МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

О

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШЕМЪ АРХІЕПИСКОПѢ ІОСИФѢ.

Въ Бозѣ почившаго, доблестнаго Архипастыря и великаго подвижника Іосифа я лично сталъ знать съ того времени, какъ окончилъ курсъ семинаріи, а онъ прибылъ на Воронежскую паству, то есть—съ 1853 года.

Знакомство мое съ покойнымъ Іерархомъ началось въ томъ же году, по случаю моей женитьбы. Я былъ сосватанъ за купеческую дочь; но онъ не позволилъ мнѣ жениться на ней, а велѣлъ найти невѣсту изъ духовнаго званія. Найдена была сирота—дочь священника и онъ благословилъ мнѣ вступить съ нею въ бракъ. Потомъ и рукоположилъ меня во діакона 25-го сентября, а 26-го во священника въ семинарской церкви—въ 1854 году.

При рукоположеніи во священника, по окончаніи литургіи, велѣлъ поставить меня во всемъ облаченіи противъ амвона; вышелъ изъ алтаря въ мантіи съ жезломъ и сказалъ мнѣ во всеуслышаніе особенную рѣчь; говорилъ такъ сильно, что слова его врѣзались въ мое

сердце и до сихъ поръ памятны. „Нѣкогда, говорилъ онъ, св. Апостолъ Павелъ сказалъ Ефесскимъ пресвитерамъ: *внимайте убо себѣ и всему стаду, въ немъ же васъ Духъ Святый постави Епископы, пасти церковь Господа и Бога, юже стяжа кровію своею* (Дѣян. 20, 28). И я тебѣ напоминаю эти слова Апостола, чтобы ты чаще и чаще напоминалъ ихъ себѣ.

Помни, кто ты былъ и кто сталъ. Прежде ты былъ міряниномъ, теперь сталъ священникомъ. Прежде тебя освящали таинствами другіе, теперь ты самъ долженъ освящать таинствами другихъ. Прежде ты требовалъ молитвъ за себя отъ другихъ, теперь самъ долженъ молиться за другихъ. Прежде тебя учили другіе, теперь ты самъ долженъ учить другихъ. Прежде тебя руководили въ жизни другіе, теперь ты долженъ руководить другихъ. Помни это и не забывай никогда.

Всѣ мы овцы одного великаго стада, надъ которымъ Пастыреначальникъ—Христосъ Спаситель. Изъ этого великаго стада часть поручена тебѣ. Что если отъ твоего невниманія, нерадѣнія, корыстолюбія, худаго примѣра погибнетъ хотя одна овца изъ порученнаго тебѣ стада, искупленнаго Кровію Христовою? Взыскуя взыщетъ ее Господь отъ руки твоея... Помни это и никогда не забывай. Кто тебя поставилъ во Пресвитера? Чрезъ мое недостоинство Духъ Святый постави васъ епископы. Всѣми силами храни дарованіе Божіе, отнынѣ живущее въ тебѣ и оно сохранитъ тебя на всѣхъ путяхъ жизни твоей. Духъ Святый просвѣтитъ, вразумитъ, наставитъ, укрѣпитъ и поведетъ тебя, куда слѣдуетъ, къ чему назначенъ ты. Духъ Святый самый вѣрный и надежный нашъ руководитель. Помни это и никогда не забывай и проч.

Въ высшей степени внимательный и строгій къ себѣ и другимъ, Владыка зорко слѣдилъ за мною и моими дѣйствіями на приходѣ, особенно съ того времени, какъ я овдовѣлъ. Въ 1857 году, лишившись жены, я тогда же хотѣлъ оставить приходъ и поступить въ монастырь; но постройки приходской церкви задержали меня на цѣлыхъ семь лѣтъ и семь мѣсяцевъ въ приходѣ. Но вотъ всѣ постройки кончились; я привыкъ къ приходской жизни; прихожане меня полюбили и жалѣли; я раздумывалъ, оставаться ли на приходѣ, или удалиться въ святую обитель; первое желательно было моимъ родителямъ, а послѣднее нравилось мнѣ; положеніе мое было колебательное; я медлилъ рѣшиться на то или другое.

Самому Господу угодно было, чрезъ покойнаго Владыку, вывести меня изъ нерѣшительнаго и затруднительнаго положенія. Дѣло было

такъ: смѣнили благочиннаго, въ районѣ котораго былъ мой приходъ, и назначили другаго. Новый благочинный заѣхалъ ко мнѣ и высказалъ мнѣ слѣдующее: „Владыку удивляетъ то, что вы—молодой и вдовый священникъ—отмѣчались бывшимъ благочиннымъ лучше всѣхъ; поэтому онъ приказалъ мнѣ обратить на васъ особенное вниманіе и послѣдить за вами". Это было стимуломъ для меня—оставить приходъ и попроситься въ число братіи Митрофанова монастыря.

Съ великою любовію принялъ Преосвященный мое прошеніе, даже обнялъ меня, поцѣловалъ и сказалъ: „давно бы такъ слѣдовало": тотчасъ же опредѣлилъ въ число братіи, велѣлъ служить очередную седьмицу, поставилъ народнымъ духовникомъ и проповѣдникомъ въ монастырѣ, опредѣлилъ учителемъ Духовнаго Училища и постригъ въ монашество, съ перемѣною имени Михаила на новое имя Іустина. Это было въ 1862—1863 году. Но въ 1864 году Великій Старецъ Божій лишился зрѣнія—внезапно: 8 сентября, на Рождество Богородицы, служилъ онъ въ городской Пятницкой церкви и освящалъ антиминсы. Только что началась литургія, зрѣніе его вдругъ закрылось и онъ докончилъ службу уже слѣпой. Молитвы въ слухъ его читалъ иподіаконъ, а онъ, слушая ихъ, священнодѣйствовалъ съ помощію другаго иподіакона. Мало смутился Іерархъ Божій, только что сказалъ: „Благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, Господи", и потомъ 27 лѣтъ благодушно переносилъ свою болѣзнь.

Чрезъ годъ Владыка мой оставилъ управленіе епархіею, и я не нашелъ возможности больше жить въ монастырѣ. Съ благословенія его отправился въ Кіевъ и въ 1865 году поступилъ въ Академію. Съ тѣхъ поръ свиданія мои съ Владыкою стали рѣже, но отношенія гораздо ближе. Онъ явно принялъ отеческое участіе въ моей судьбѣ. Бывало на каникулы пріѣдешь въ Воронежъ и придешь къ нему взять его благословеніе; а онъ оставитъ тебя, посадитъ съ собою, велитъ чаю подать и говоритъ—говоритъ не наговорится; а потомъ встанетъ и начнетъ давать молитвенное мнѣ благословеніе. При этомъ я обыкновенно снималъ клобукъ, становился на колѣна, а онъ возлагалъ свои святыя руки на мою грѣшную голову и долго—долго, благословляя, молился и, молясь, благословлялъ; наконецъ снималъ съ себя шапочку и надѣвалъ на меня, или давалъ образокъ, или четки—на память.

Въ каждые каникулы я ѣздилъ на родину—въ Воронежъ и каждый разъ по долгу бывалъ у сего наставника и благодѣтеля. Вотъ въ эти-то свиданія съ нимъ, онъ чрезвычайно много передавалъ мнѣ опытовъ изъ своей жизни и служенія, много наставленій и совѣтовъ.

какъ жить и служить, какъ къ кому и чему относиться; а вмѣстѣ съ симъ разрѣшалъ мои вопросы и недоразумѣнія, по разнымъ предметамъ и обстоятельствамъ моей учебной жизни и службы. А въ одинъ разъ, посадилъ меня съ собою на диванъ, обнялъ, поцѣловалъ и началъ говорить мнѣ такъ: „Ну, другъ мой Іустинъ, знаешь ли ты, какъ я тебя всегда любилъ и теперь люблю? Прежде я любилъ тебя иначе, а теперь люблю иначе. Прежде я любилъ тебя, такъ сказать, издали, такъ что ты можетъ быть и не зналъ, что я тебя любилъ, быть можетъ даже и недоволенъ былъ мною, что я къ тебѣ не ласково относился, но знай, что я держалъ тебя въ почтительномъ отдаленіи, потому что боялся тебя приблизить къ себѣ, чтобы ты не возгордился. Знаешь ли, почему я назвалъ тебя не Митрофаномъ, какъ ты желалъ, а Іустиномъ? Потому что я зналъ, что тебя ожидаетъ не монастырская жизнь, а предлежитъ тебѣ ученая дорога, которая поведетъ тебя въ разныя далекія страны, какъ и ученый патронъ твой—Іустинъ Философъ ходилъ по разнымъ странамъ, въ качествѣ христіанскаго учителя и Евангелиста? „Такъ я любилъ тебя прежде, продолжалъ мой святитель,—теперь я люблю тебя иначе. Сказать ли? Теперь я люблю тебя, какъ друга, болѣе—какъ роднаго сына, потому что вижу, что ты началъ уже воспринимать и знаю, что вполнѣ воспріимешь мой духъ,—мои житейскіе опыты, мои совѣты и наставленія. Не забывай престарѣлаго, дряхлаго и больнаго твоего отца и друга: не ошибешься, если послѣдуешь, скажу Апостоломъ, *моему ученію, житію, примѣру, вѣрѣ, долготерпѣнію—великодушію, любви, терпѣнію* (2 Тим. 3, 10)“.

Съ этого момента вседушевно и сердечно расположившись къ моему незабвенному отцу—благодѣтелю, я началъ со всѣмъ вниманіемъ присматриваться и изучать всю его жизнедѣятельность и наконецъ убѣдился, что это былъ образцовый пастырь церкви.—служеніе его было безпримѣрное, Богослуженіе величественное, жизнь безукоризненная. Это по истинѣ былъ Апостолъ—въ своей неусыпной энергіи, въ молитвѣ Серафимъ, въ дѣлахъ Херувимъ, въ обхожденіи Ангелъ, какъ заповѣдалъ св. Димитрій Ростовскій.

Общественное служеніе Архіепископа Іосифа отличалось необыкновенною энергіею и зоркостію, внимательностію ко всему и правдолюбіемъ ко всѣмъ. Въ теченіи десяти лѣтъ, изучивъ свою епархію, онъ видѣлъ въ ней все насквозь, и употреблялъ всѣ мѣры къ искорененію пороковъ и безпорядковъ, къ насажденію въ ней добра и порядка. Особенно церковное его Богослуженіе было величественно: стройное пѣніе, благоговѣйное предстояніе сослужащихъ, тишина и

спокойствіе молящихся отличали его Богослуженіе. Бывало на воскресной или праздничной всенощной самъ—въ мантіи съ посохомъ—выйдетъ на славословіе, на Архіерейскій амвонъ, возгласитъ своимъ чрезвычайно звучнымъ голосомъ,—съ дикиріями: „Слава Тебѣ показавшему намъ Свѣтъ!“ А монашествующая братія, въ числѣ болѣе сотни, въ мантіяхъ, вмѣстѣ съ нимъ, запоютъ „Великое Славословіе“. Нельзя было не приходить въ восторгъ отъ этого необыкновенно величественнаго и громкаго пѣнія! И всѣ въ храмѣ до единаго умилялись.

Но и жизнь въ Бозѣ почившаго Іерарха была совершенно безукоризненна во всѣхъ отношеніяхъ,—и во время общественнаго служенія; а на покоѣ—она обратилась въ истинно подвижническую.

Вставалъ онъ, обыкновенно, около 5-ти часовъ утра. Въ моментъ пробужденія имѣлъ обычай—всегда отверзать уста свои на славословіе Господа—пѣніемъ какой либо священной пѣсни. Любимыми его пѣснями, по пробужденіи отъ сна, были: пѣсни пасхальнаго канона, пѣсни великаго канона „помощникъ и покровитель“, величанія и тропари въ честь святыхъ, особенно имъ чтимыхъ, или дневныхъ. Онъ самъ одѣвался и умывался, самъ приводилъ въ порядокъ свою постель. Время отъ 5-ти до 7-ми часовъ—онъ неопустительно посвящалъ утренней келейной молитвѣ: а въ 7 часовъ спѣшилъ къ началу литургіи—въ Крестовую церковь, гдѣ умиленно и усердно молился. По окончаніи литургіи медленно шелъ въ свои покои, преподавая на пути желающимъ святительское благословеніе. Благословеніе его было въ высшей степени назидательно: онъ, благословляя во имя Отца и Сына и св. Духа, имѣлъ обыкновеніе прибавлять: „Господь да помилуетъ тя! Господь да сохранитъ тя! Сила крестная да будетъ съ тобою! Ангелъ хранитель да сохранитъ тя! Матерь Божія да спасетъ тя! и проч. и проч. Эти слова его часто умиляли принимающихъ у него благословеніе—до слезъ, а нѣкоторые видѣли въ нихъ какъ бы отвѣтъ на ихъ внутреннее состояніе и настроеніе души.

Возвратившись въ свои келліи, Владыка Іосифъ выпивалъ двѣ чашки чаю; а въ нѣкоторые дни, особенно постные, ограничивался вкушеніемъ одной только просфоры и то въ позднее—послѣобѣденное время. Послѣ утренней службы, до обѣда проводилъ время—половину въ Богомысліи, а другую—въ чтеніи. Въ сокровенномъ Богомысліи, онъ часто пѣлъ священныя пѣснопѣнія, или стихи, напримѣръ: „Не остави мене, и не отрини мене, Боже—Спаситель мой, помощникъ мой буди!“ Или: „Господа пойте дѣла и превозносите Его во вся вѣки!“ Явно, что въ этомъ онъ подражалъ св. Тихону. Для чтенія

настольными у него книгами были: Евангеліе. Добротолюбіе. Сокровище духовное отъ міра собираемое. сочиненія святителя Тихона. Димитрія Ростовскаго. Василія Великаго, Іоанна Златоустаго. Митрополита Филарета м., житія святыхъ. Періодическія изданія дух. журналовъ и вновь выходящихъ въ свѣтъ книгъ и друг. Если не было посѣтителей, чтеніе продолжалось до самаго обѣда. Читала ему одна благочестивая женщина, нарочито для того приходившая къ нему каждый день. особенно когда онъ лишился зрѣнія и не могъ самъ читать.

Архіепископъ Іосифъ былъ великій воздержникъ и постникъ. Обѣдалъ онъ обыкновенно въ часъ дня. Но ѣлъ весьма мало. какъ малый ребенокъ; а иногда и вовсе не прикасался къ яствамъ. Это особенно часто бывало въ Успенскій и Великіе посты, а также—въ среды и пятки всего года. Въ первую же и страстную седьмицы В. Поста вся его пища состояла изъ чашки чаю и кусочка—просфоры—вечеромъ. И въ болѣзни не измѣнялъ онъ своей обычной пищи; а прожилъ болѣе 90 лѣтъ! Разъ онъ говорилъ мнѣ: „къ воздержанію въ пищѣ можно и должно пріучить себя, постепенно уменьшая ее, какъ объ этомъ говорится въ книгѣ Аввы Дороѳея. А такъ дѣлать. чтобы нынче наѣсться до сыта, а завтра не ѣсть, не только не полезно. но и вредно. Старику не нужно много употреблять пищи: онъ не растетъ; ему необходима пища только для поддержанія жизни. Такъ дѣлали всѣ подвижники и жили весьма долго!“

Послѣ обѣда Владыка имѣлъ обыкновеніе до 4-хъ часовъ отдыхать въ келліяхъ; а въ 4 часа выходилъ иногда пройтись по монастырскому двору. Но и въ это время Богомысліе не оставляло его ума и сердца и молитва не сходила съ устъ его. Во время своей прогулки Святитель Божій особенно былъ назидателенъ. Со всѣми встрѣчающимися онъ останавливался поговорить, а вопрошающимъ дать назидательный отвѣтъ и полезный совѣтъ. Но и въ разговорѣ съ кѣмъ бы то ни было непрестанно повторялъ: „Господи помилуй! Помилуй мя, Боже, помилуй мя!“

Посѣтителей Владыка неохотно принималъ особенно приходившихъ безъ дѣла—изъ одного любопытства; но и тутъ виду не подавалъ своего недовольства: со всѣми былъ любезенъ, ласковъ и назидателенъ. Но если случалось, и въ бесѣдѣ съ посѣтителями, услышать благовѣстъ на поздней литургіи—къ „Достойну“, онъ, не стѣсняясь, по своему внутреннему чувству и въ назиданіе присутствующихъ, поднимался на молитву, и въ слухъ всѣхъ читалъ: „Достойно и праведно есть... Святъ, Святъ, Святъ, Господь Саваоѳъ... Тебе поемъ, Тебе благосло-

вимъ. Тебе благодаримъ, Господи... Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа въ третій часъ Апостоломъ Твоимъ ниспославый. Того, Благій, не отыми отъ насъ, но обнови насъ—молящихтись! Сердце чисто созижди во мнѣ Боже... Не отвержи мене отъ лица Твоего... Достойно есть яко воистину блажити Тя Богородицу... Отче нашъ"... „Звонятъ къ Достойно, говорилъ онъ, не для присутствующихъ въ храмѣ, а для отсутствующихъ. Отсутствующіе должны внимать этому призывному звону, и присоединяться къ общей молитвѣ Церковной".

Послѣ вечерняго Богослуженія у него продолжалось чтеніе книгъ, журналовъ, статей и проч.—до 10-ти часовъ. Въ 11 часовъ ночи покойный Владыка всегда становился на вечернюю молитву, которая у него продолжалась почти до часу по полуночи. Особенно она была продолжительна на канунѣ причащенія его Св. Таинъ. Тогда онъ всю ночь простаивалъ на молитвѣ и только на часъ предъ литургіею давалъ себѣ отдыхъ. Молитвы всегда читалъ въ слухъ, сопровождая ихъ колѣнопреклоненіями: отчего на рукахъ его были мозоли, на стѣнѣ, о которую опирался, образовались впадины и на коврикѣ остались слѣды его колѣнопреклоненій. Въ часъ по полуночи, съ пѣніемъ: „Се женихъ грядетъ въ полунощи"... Святитель отходилъ ко сну.

Такъ доблестный Архипастырь начиналъ, продолжалъ и оканчивалъ каждый день своей жизни, проводя время въ постоянномъ бдѣніи: *Богомысліи, постѣ и молитвѣ!* И потому кончина его была, въ полномъ смыслѣ, безболѣзненная, непостыдная, мирная. Безъ сомнѣнія и отвѣтъ его на страшномъ судищи Христовомъ будетъ добрый. О, если бы намъ хоть капельку улучить отъ духа въ Бозѣ почившаго Святителя Іосифа!

„Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная! И молитвами его помилуй и спаси насъ грѣшныхъ! Аминь.

Е. Іустинъ.